

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Оформление серии *С. Груздева*
Редактор серии *А. Антонова*

Михайлова, Евгения.
М69 Струны черной души / Евгения Михайлова. — Москва :
Эксмо, 2019. — 320 с. — (Детектив-событие).

ISBN 978-5-04-101884-9

Маргарита не думала, что из скучающей домохозяйки превратится в угрюмую униженную зэчку. Ей предстояло отбывать годы в колонии за убийство собственного мужа...

Испанская тетя Изабелл оставила многомиллионное состояние единственной родственнице из далекой России, но она не предполагала, с какими трудностями той предстоит столкнуться...

Частный детектив Сергей Кольцов не удивился странностям новой клиентки, его поразили железная воля молодой женщины и ее желание восстановить свое честное имя...

От сумы и от тюрьмы не зарекайся, у каждого в душе свой персональный ад, но иногда судьба все-таки пытается подсластить горькую ягоду...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101884-9

© Михайлова Е., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Все персонажи и события романа вымышленные.
Совпадения с реальными фактами случайны.*

*СЛАДКУ ЯГОДУ РВАЛИ ВМЕСТЕ,
ГОРЬКУ ЯГОДУ — Я ОДНА.*

Часть первая

НЕ ЗАРЕКАЙТЕСЬ

Глава 1

СЧАСТЛИВАЯ ДОМОХОЗЯЙКА

Меня зовут Маргарита. Дома звали Ритой. В школе и университете — Марго. Когда дочка начала говорить и хитрить, скрывая, что не может произнести «р», она стала называть меня Ита. Нам обеим это так понравилось, что слово «мама» так и не возникло в наших отношениях.

До сих пор сердце тает от мягкого, нежного и такого родного слова — Ита. Мое сердце, которое, как временами кажется, окаменело и застыло навсегда. А в хорошие времена это имя оказалось таким удобным.

Когда Таня подросла, стала симпатичной девочкой с ярко выраженной ранней женственностью, нас иногда принимали за сестер..

Нам обеим это страшно нравилось, мы работали на такой образ.

Младшая сестра Таня — тоненькая, светлая, как лепесток чайной розы, с соломенной челкой над распахнутыми голубыми глазами, — и старшая сестра Ита, — русые волосы чуть подкрашены в ры-

Евгения Михайлова

жеватый цвет, глаза самого темного серого цвета, а лицо узкое и нежно-смуглое, как у какой-то нашей заморской прабабушки.

Мы одевались в одном строгом стиле: все вещи облегающие и подчеркивающие фигуры, которые нам не нужно было скрывать.

У меня нет ни одной фотографии прошлого. Но я все легко восстанавливаю по памяти. Каждый день, каждую минуту, каждый звук и цвет тех тринадцати лет, в течение которых мы с Таней дружно, с любовью, радостью и азартом шли по дороге ее детства в ее юность.

С ее отцом я развелась, когда дочке был годик. Отказалась терпеть зависимость без любви, по ошибке, и хотела, чтобы Таня даже не смогла запомнить этот первый период с не тем отцом. Тогда я еще училась в университете.

Второй муж Анатолий был директором колледжа с углубленным изучением математики, куда я пришла устраиваться на работу.

У меня не было педагогического опыта и рекомендаций. И у нас обоих не было сомнений в том, почему он принял меня после очень короткой беседы, в которой не проверялись ни мои способности, ни воспитательные принципы.

Да, дело в прабабушке и в ее наследстве — моя необычная внешность многих мужчин поражает наповал с первого взгляда. Проблемы начинаются потом, чаще всего они несовместимы с отношениями.

СТРУНЫ ЧЕРНОЙ ДУШИ

Анатолий был тогда уважаемым, холемым мужчиной сорока пяти лет, с бархатным голосом, каштановой шевелюрой и такими же бородкой и усиками. Вылитый портрет ученого или писателя девятнадцатого века кисти большого мастера.

Склонность к позерству показалась мне его единственным недостатком. Впрочем, ее можно рассматривать как артистизм — редкое и важное качество педагога.

В этом колледже я, кроме математики, вела еще факультатив балетных танцев. Зарплата несравнима с обычными муниципальными школами.

Вскоре Таня пошла в первый класс. Она училась в школе рядом. А потом Анатолий зачислил Таню в девятый класс, она была на полтора года младше одноклассников, потому что пошла в школу до шести лет. Нас обеих приняли, даже полюбили ребята. Таня и там называла меня Итой, я не возражала.

Вскоре узнала, что ученики за глаза называют меня «Ита плюс». Не самое плохое прозвище для учителя. Даже очень хорошее. Химичку, к примеру, называли «кислота». Анатолия, конечно, «барин».

Педагогический коллектив состоял в основном из женщин. Много молодых, и все внешне хорошо выглядели, со вкусом одевались. Это соответствовало имиджу школы и требованиям директора.

Особое внимание Анатолия я почувствовала сразу, хотя ничего явного, никаких предложений, привилегий и даже многозначительных взглядов не было.

Евгения Михайлова

О том, что он давно в разводе, узнала, кстати, от Тани. Дети слышат и видят часто больше взрослых.

У меня никогда не было возраста безмятежности и доверчивости, хотя выросла в нормальной, спокойной семье. Но чуткость, скрытность, наблюдательность и опасливость родились вместе со мной. С возрастом к этому набору добавилась необходимая капля цинизма, рожденного опытом. Это и было моим тайным оружием, которым я пользовалась для защиты себя и дочери.

Когда ухаживания Анатолия приобрели явный характер, я прежде всего прислушалась к голосу своего тела, нет ли протеста. Убедилась, что не только нет, Анатолий был мне приятен, будил воображение и чувственность, Но я долго сдерживала развитие событий. Наблюдала и анализировала.

Как охотник, следила за каждым выражением и жестом в его отношениях с остальными женщинами. И еще более пристрастно за контактами с девочками и мальчиками. С хорошенькими, ухоженными, раскованными, домашними девочками, которые привыкли к ласкам, одобрениям дома и жаждут признания своей неотразимости от всех, кто встречается на пути. Неосознанное желание женских побед. И с наивными, беззаботными мальчишками, которые тянутся к мужскому авторитету.

Для меня не секрет, по каким причинам иногда мужчины идут работать в школы. Самый тяжкий и непреодолимый порок — влечение к незащитной детской прелести. Адское, звериное влечение

СТРУНЫ ЧЕРНОЙ ДУШИ

грубых душ и тел. Это и еще скрытый садизм взрослых, встречаемый слишком часто в детских учреждениях, требовалось исключить.

Мне не было стыдно от того, что я допускаю в отношении малознакомых людей самые чудовищные подозрения и затем их исключаю. Это моя суть. Это мой позитив — не обнаружить в человеке то, что меня отталкивает или пугает. С такого исключения и начинается доверие. Без него я задавлю в зародыше любую страсть.

Анатолий хорошо общался с детьми — с позиции доброй силы и благородства души. Никаких «но» — ни агрессии, ни раздражения, ни дурного внимания, — только взрослая забота, открытость, что не исключало ни сурового осуждения, ни морального приговора, если был серьезный повод. Но и понять «осужденного» он умел, как никто. И забыть о конфликте навсегда.

С женщинами он тоже вел себя не как начальник, а как коллега, как мужчина, отдающий должное всем достоинствам, включая новую прическу или платье. И только. Ничего личного, чрезмерного и скрытого.

Через полгода после первой встречи мы с Анатолием провели свою первую ночь в его большой, красивой и все же заметно холостяцкой квартире.

Этот опыт я затем анализировала, как эксперт в лаборатории. И сказала себе: да, это удача. Это мое.

Евгения Михайлова

Прошло еще два года, и мы поженились. Переехали с Таней к нему. А еще через год Анатолий предложил мне оставить работу.

У Тани оказалась слабая носоглотка. Постоянные простуды, осложнение на сердце. Она пропустила половину учебного года. Нужно было заниматься ее физическим восстановлением и пройти дома всю программу.

Мы со всем отлично справились. Таня вернулась в школу, не отстав от своего класса.

А я узнала, что такое безмятежное существование неработающей жены состоятельного человека. Магазины, парикмахерские, бассейн. Болтовня по телефону и в соцсетях о событиях сытой, здоровой, полной приятных событий жизни.

Что я запомнила и поняла с тех пор.

Счастье может быть только бестолковым, бездумным и в каком-то смысле алогичным. Оно возникает вместе с иллюзией задержанных мгновений. Остановленных радостей. Сбывшихся желаний.

Стереотип «трудное счастье» — это вообще бред. Речь о борьбе, преодолении. Так и должно называться: битва.

Смотрю сейчас издалека на счастье домохозяйки Иты, на ласковые разговоры с моей девочкой, на горячие встречи с красивым, хорошо пахнущим мужем, на наши ночи: только для забытья и тепло-го блаженства, — и режу все это на мелкие кусочки. Препарирую, чтобы рассмотреть, что было вну-

три. Смотрю высохшими навсегда глазами и вижу, как стремительно таяла моя нелепая шагреновая кожа.

Глава 2

ЧТО ЖЕ БЫЛО ВНУТРИ

Какая-то суцая мелочь, пустяк, как заусенец у ногтя. Вдруг кольнет, заноеет от воды, оставит неприятное ощущение. Ты привычно ищешь самое простое и легкое решение. Просто маникюр. Занозу сознания покрываешь лаком привычных дел. Доводишь до совершенства идеи интерьера, готовишь еду по самым вкусным рецептам. Подарки себе, дочке, мужу. Упоительные минуты в ворохе новых нарядов, в запахе любимых духов. И все на фоне прочного родства с двумя умными, чуткими, снисходительными, в равной степени взрослыми по уровню духовного развития людьми.

Да, моя Таня для меня была равной личностью с тех пор, когда я начала понимать ее первые звуки. Она еще не умела говорить, но была носителем человеческой глубины.

Конечно, я никогда не уходила от своей подозрительной сути в бессмысленную безмятежность. И знала: настанет время, когда я достану самую мелкую занозу из памяти, рассмотрю, расшифрую, протяну нити к другим таким же зацепкам.

Евгения Михайлова

Таня на четырнадцатом году жизни совсем выбралась из пуха гадкого утенка. Из болезней и правильного восстановления она вышла такой же нежной, но окрепшей. Немного поправилась, фигурка округлилась. Бледная кожа блондинки засветилась блеском розового жемчуга. Волосы стали пышными и послушными, глаза внимательными и ласковыми, детские губы таили женскую улыбку. И в каждом жесте, движении ее красивых рук и ног больше не было неловкости и угловатости.

Каким наслаждением для меня было покупать ей вещи, придумывать прическу, изобретать вкусные и полезные витаминные коктейли, чтобы подпитать красоту.

Укол номер один.

Мы с Толей уже сидим за столом, накрытым к ужину, а Таня выходит из ванной. У нее мокрые волосы, которые обнимают ярко-розовое личико. Голубой махровый халат сползает с узких плеч, приоткрывает нежную маленькую грудь.

Я открываю рот, чтобы сказать ей, как она похожа на русалку.

Это мое правило: озвучивать постоянно свое восхищение ребенком для повышения его самооценки.

Таня была слишком скромной и робкой.

И вдруг, бросив взгляд на Анатолия, чтобы поделиться своей гордостью, я вижу: он покраснел и слишком заинтересовался содержимым своей тарелки. Притворно заинтересовался.

СТРУНЫ ЧЕРНОЙ ДУШИ

Я на секунду сбилась, но все же сказала, что хотела.

Таня засмеялась и ответила:

— А Катька в бассейне сказала, что я плаваю, как жаба. Скажи ей, Ита, что я русалка на самом деле.

Анатолий поддержал разговор очень смешным анекдотом из жизни жаб.

Ужин прошел, как всегда, приятно и слишком быстро.

Мы после него всегда старались продлить общение за столом, которое так объединяет и скрепляет семьи.

У меня для приятных продолжений всегда были сюрпризы. Новые напитки, десерты, фрукты.

Укол номер два.

Воскресенье. Мы с Анатолием дома. Таня ушла с подругами гулять. Задержалась, я звоню, телефон не отвечает.

Я уже собралась выйти поискать, как дверь открывается, она заходит в квартиру. Плачет, как маленькая. Одна коленка в крови, струи стекают в балетку.

— Я упала, — рыдает она. — Прямо на эти камни, которые навалили у дорожки. Больно, умираю.

У Тани очень низкий порог боли. Ей казалось, что она умирает от укола.

Я довела ее до кресла и бросилась в ванную за мокрым полотенцем, перекисью, йодом, бинтами.

Возвращаюсь. И остановилась на пороге.